

В. Г. Белинский

**Наль и Дамянти. Индейская
повесть В. А. Жуковского...**

Виссарион Григорьевич Белинский

Наль и Дамаянти. Индейская повесть В. А. Жуковского...

Небольшая рецензия Белинского на поэму Жуковского «Наль и Дамаянти» на фоне остальных отзывов о ней в журналистике 1844 года выглядит необычно. В других журналах более всего отмечалось литературное мастерство и художественная значительность этого произведения. <...> Белинский, дав в начале рецензии сжатую оценку поэтического мастерства Жуковского, затем целиком сосредоточился на характеристике самого индийского образца поэмы, причем особенно подчеркивал чуждость концепции древнеиндийской поэмы современности: отсутствие характеров, личности и т. д.

Содержание

#1	0005
Примечания	0010

**Виссарион Григорьевич
Белинский**

**Наль и Дамаянти. Индейская
повесть В. А. Жуковского...**

НАЛЬ И ДАМАЯНТИ. Индейская повесть В. А. Жуковского. Рисунки по распоряжению автора выполнены г. Майделем. 1844. Издание Фишера. В 8-ю д. л. 201 стр.

«Наль и Дамаянти» есть эпизод огромной Индийской поэмы «Магабгарата», – эпизод, каких в ней довольно, и который представляет собою нечто целое. На немецком языке два перевода этой поэмы («Наль и Дамаянти»), один Боппа, другой Рюкерта. Жуковский переводил с последнего. О достоинстве его перевода нечего говорить. Легкость, прозрачность, удивительная простота и благородная поэзия его гекзаметра обнаруживают высокое искусство, неподражаемое художество. Это перевод вполне художественный, и русская литература сделала в нем важное для себя приобретение.

Что касается до самой поэмы, она – индийская в полном значении слова. В ней действуют боги, люди и животные. Боги, как две капли воды, похожи на людей, а люди – ни дать ни взять – те же животные. Так, например, гуси играют в поэме такую роль, что без них не было бы и поэмы. И эти гуси говорят и мыслят точь-в-точь, как люди, а эти люди, в свою очередь, говорят и мыслят точь-в-точь, как гуси. Гуси здесь не глупее людей, а люди не умнее гусей. В этом выразился пантеизм Индии

и все индийское мирозерцание. Бог индийца – природа; выше и дальше природы не простираются духовные взоры индийца. Поэтому, в его глазах, гусь или корова – такие же важные персоны, как и царь и герой, не говоря уже о простом человеке. Поэтому же индиец весь теряется в мировой субстанции и беден личностью. Ему легко отрываться от себя и погружаться, смотря на кончик своего носа, в созерцание божественного ничтоже-ства. Отсюда происходит чудовищность, нелепость, дикость, сердечная теплота, пленительная наивность, а иногда и грандиозность его поэзии. Для нас, европейцев, эта поэзия интересна как факт первобытного мира, и мы не можем сочувствовать ее суеверию, ее уродливому пиетизму, даже самым красотам ее. Это происходит от противоположности европейского духа с азиатским. В азиатском нравственном мире преобладает субстанциональное, безразличное и неопределенное общее – эта бездна, поглощающая и уничтожающая личность человека. Отсюда индийские религиозные самосожжения, самоуродования и всякого рода самоубийства ради блаженного

погружения в лоно мировой жизни. Личность есть основа европейского духа, и потому в нем человек является выше природы. Сравните в этом отношении «Илиаду» с любой индийскою поэмою: какая разница! Мы читаем «Илиаду», как колыбельную песню человечества, по прекрасному выражению Гете; но мы сочувствуем ей вполне, как своему собственному младенчеству, из которого развилась наша возмужалость. В «Илиаде» боги также принимают участие в делах людей, но о животных уже нет и помина. Боги эти прекрасны, и каждый из них – живое существо, имеет страсти, желания, характер, потому что каждый из них – личность. Человек играет такую высокую роль, что сами боги его не что иное, как апофеоза его же собственной нравственной природы.

В «Нале и Дамаянти» нет характеров; все ее действующие лица – образы без лиц. Вот, например, характеристика Наля:

*Крепкий мышцею, светлый разумом,
чтитель смиренный
Мудрых духовных мужей, глубоко
проникнувший в тайный*

Смысл писаний священных,
жертв сожигатель усердный
В храмах богов, вожделиний своих
обуздатель, нечистым
Помыслам чуждый, любовь и
тайная дума
Дев, гроза и ужас врагов, друзей
упованье,
Опытный в трудной военной нау-
ке, искусный и смелый
Вождь, из лука дивный стрелок,
наипаче же славный
Чудным искусством править ко-
нями, на коих он в сутки
Мог сто миль проскакать, – та-
ков был Наль; но и слабость
Также имел он великую: в кости
играть был безмерно
Страстен.

Какая же тут личность? Это описание идет равно ко всем добродетельным людям, гусям и змеям поэмы. Это просто – сказка; но сказка, имеющая важное значение исторического факта жизни великого племени, – наконец, сказка, изложенная поэтически.

Издание «Наля и Дамаянти» прекрасно; жаль только, что его портит орфография, от-

зывающаяся блаженной памяти семидесяты-
ми годами[1].

Примечания

Наль и Дамаянти. Индейская повесть В. А. Жуковского... (с. 431–432). Впервые – «Отечественные записки», 1844, т. XXXII, № 2, отд. VI «Библиографическая хроника», с. 49–50 (ц. р. 31 января; вып. в свет 3 февраля). Без подписи. Вошло в КСсБ, ч. IX, с. 76–78.

Небольшая рецензия Белинского на поэму Жуковского «Наль и Дамаянти» на фоне остальных отзывов о ней в журналистике 1844 года выглядит необычно. В других журналах более всего отмечалось литературное мастерство и художественная значительность этого произведения. Об этом писалось в большой статье плетневского «Современника», в рецензии «Москвитянина» и т. д. Даже язвительный и склонный к буффонаде Сенковский ограничился по этому случаю похвалами. Белинский, дав в начале рецензии сжатую оценку поэтического мастерства Жуковского, затем целиком сосредоточился на характеристике самого индийского образца поэмы, причем особенно подчеркивал чуждость концепции древнеиндийской поэмы совре-

менности: отсутствие характеров, личности и т. д. Все это сводится критиком к «противоположности европейского духа с азиатским», то есть концептуально эта далекая тема об особенностях древнеиндийского эпоса сближается с актуальной полемической темой о западничестве и славянофильстве с его идеалом растворения личности в «безразличном субстанциональном». Очень показателен тот намек, который делается на эту поэму Жуковского в несколько более поздней рецензии на «Стихотворения М. Лермонтова» (см. наст. т., с. 494). Здесь уже резкая оценка произведения Жуковского прямо вставлена в полемический контекст, направленный против критики «Москвитянина» и ее литературных симпатий.

Комментарии

Замечание об орфографии, «отзывающейся блаженной памяти» 1770-ми годами, не лишено тонкого иронического подтекста. В издании можно отметить лишь одну устарелую особенность орфографии: злоупотребление прописными буквами в именах существительных нарицательных и отчасти в некоторых притяжательных прилагательных. Так, напечатало: Поэма, Индейская повесть и т. п. Только прописной буквой даны имена высоких особ и образованные от них прилагательные: Царь, Царский, Царица, Царевна, Царицын. Как известно, Жуковский был близок ко двору, а издание этой поэмы посвящено дочери Николая I великой княжне Александре Николаевне.

[^^^]